Кожухарь Андрей Игоревич

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ДИАЛОГ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ

В статье анализируются механизмы имперской эволюции, определяется степень влияния неформальных семейных отношений правящей династии на ее политические предпочтения и на способ управления в контексте рассмотрения России как государства, развивающегося на границе между Востоком и Западом и воспринимающего "смесь" европейского и азиатского культурных влияний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/2/13.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (92). С. 50-60. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Список литературы

1. **Мейендорф И.** История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: ДИ-ДИК; ПСТБИ, 2003. 576 с.
2. **Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский.** Сочинения / изд. подг. Г. М. Прохоров. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. 424 с.
3. **Флоровский Г. В.** Восточные отцы V-VIII веков. 2-е изд. М.: Паломник, 1992. 260 с.
4. **Энциклопедия русского игумена XIV-XV вв. Соборник преподобного Кирилла Белозерского** / отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Изд. Олега Абышко, 2003. 448 с.

HUMAN PSYCHOLOGICAL PHENOMENOLOGY IN NIL SORSKY'S HERITAGE

Isakov Aleksei Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Branch) in Arzamas
Blauer-Reiter@yandex.ru

The article presents an original interpretation of Nil Sorsky's anthropology as human psychological phenomenology. The starting point of Nil's anthropology is seen in the perception of man as microcosm. Human consciousness appears to be in constant motion, which can be given both downward and upward direction. The author concludes that man is seen in Nil Sorsky's anthropology in more existential than essential terms. For our contemporaries the most relevant idea is one of permanent human's responsibility for his/her existence.

Key words and phrases: the Russian philosophy; medieval philosophy; anthropology; reflexion; microcosm; spiritual practices; responsibility.

УДК 94(470)+316.73
Исторические науки и археология

В статье анализируются механизмы имперской эволюции, определяется степень влияния неформальных семейных отношений правящей династии на ее политические предпочтения и на способ управления в контексте рассмотрения России как государства, развивающегося на границе между Востоком и Западом и воспринимающего «смесь» европейского и азиатского культурных влияний.

Ключевые слова и фразы: Московское государство; Российская империя; Европа; Азия; династическая политика; имперская эволюция; межкультурная коммуникация.

Кожухарь Андрей Игоревич
Иркутский государственный университет путей сообщения
andreikozhukhar@gmail.com

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ДИАЛОГ МЕЖДУ АЗИЕЙ И ЕВРОПОЙ©

Любая монархия, управляемая династией, всегда вовлечена в процессы конструирования внешних связей, опирающихся не только на дипломатические, но также (а нередко и в большей степени) на семейные отношения. Для крупного государства имперского типа данная проблема тем более важна, чем более значителен риск разделения империи на несколько частей между наследниками или смены правящей династии на более или менее родственную. Смена династии часто означает смену как целей и направлений внешней политики, так и внутренних приоритетов – пересмотр традиций, привнесение новых элементов в сложную систему государственного, национального и культурного существования. Рассматривая династические связи Московского государства и Российской империи как особую форму межкультурного диалога, прежде всего, необходимо отметить некоторые нюансы, касающиеся терминологического аппарата, используемого в данном исследовании. Ниже даны несколько авторских терминов, на которых построен дальнейший материал.

Династическая политика *рассматривается как совокупность родственных взаимоотношений (и связанных с ними дипломатических мероприятий) правящей династии с династиями других государств, которая определяет или, по меньшей мере, оказывает существенное влияние на цели, направления и результаты внутренней и внешней политики государства.*

Династическая стратегия *определяется как совокупность политических действий, направленных на создание династических связей с представителями правящих родов других государств и дальнейшее использование этих связей во внешнеполитических интересах.*

© Кожухарь А. И., 2015

Династический монополизм *понимается как особое международное положение, при котором многочисленными королевствами, княжествами и герцогствами Европы правили несколько крупных династий, ветви которых были тесно связаны между собой. Это находило свое отражение во внешней политике, проводимой теми или иными монархами, зачастую ставившими семейные, клановые интересы превыше государственных проблем.*

Династическая политика и династическая стратегия как составная ее часть приводили к формированию династического монополизма и оказывали существенное влияние на становление национальной самоидентификации в государствах, осуществлявших эту политику. На протяжении их исторического развития приоритеты могли меняться как в национальном, так и в более значительном цивилизационном масштабе (прежде всего, здесь будет рассматриваться тяготение к восточной или западной цивилизационной доминанте). В связи с этим и с тем, что заявленная тема исследования автоматически делает его междисциплинарным, связывая его с вопросами межкультурной коммуникации, к используемому терминологическому аппарату необходимо добавить еще один авторский термин, ранее предложенный также применительно к иной проблематике, но обладающий универсальным потенциалом.

Специфический канал межкультурной коммуникации *– это выделенное направление взаимодействия культур, существующее на стыке разнородных социальных сегментов и включающее социально-культурные процессы, пересечение которых в других условиях маловероятно или невозможно, отличающееся формами и способами коммуникации и их материальными свидетельствами, характерными именно (и, нередко, исключительно) для данного канала, развивающегося в течение определенного промежутка времени в конкретных исторических обстоятельствах.*

Эволюция этого термина, его основных характеристик в авторской интерпретации и возможностей научного приложения была обобщена в предшествующей публикации [23], а в данной работе он используется применительно к исследуемой теме, поскольку существенным аспектом, подчеркивающим ее актуальность, являются межкультурные коммуникативные функции династических связей. Династические связи могут рассматриваться как специфический межкультурный коммуникативный канал, становление которого сопровождалось целым рядом процессов взаимообмена культурной информацией, транслирования своих культурных моделей и восприятия чужих. В качестве примера можно привести требования к смене вероисповедания при заключении брака, отличавшиеся для жениха и невесты, необходимость изучения государственного языка, адаптацию к непривычному бытовому укладу и придворным традициям, разным при разных правителях, и т.д. Поскольку данный канал находится на стыке таких, казалось бы, не связанных социальных сегментов, как внешняя политика (явление государственного порядка) и семейно-бытовая сфера (уровень «ячейки общества»), это позволяет рассматривать непосредственное взаимное влияние социально-культурных процессов микро- и макроуровня. Наблюдаются у династических связей и другие признаки специфического канала. Таким образом, изучение их в этом ключе представляет особый исследовательский интерес.

О значении специфических каналов межкультурной коммуникации в формировании внешних связей империи и их влиянии на развитие государства в целом необходимо отметить следующее. Расширение империи подразумевает два важных фактора: территориальный и культурный. К. С. Гаджиев рассматривает династические связи в контексте идеи территориального императива. Он пишет: «Нужно учесть, что в XVII-XVIII вв. на характер международных отношений по-прежнему большое влияние оказывали династические интересы европейских монархов, стремившихся захватить и присоединить к своим владениям новые земли. Начиная со второй половины XVII в., на передний план общеевропейской жизни постепенно стали выходить возникающие централизованные национальные государства, которые руководствовались скорее национальными или государственными, чем династическими интересами того или иного правящего дома» [3, § 10.4]. Однако с ним можно согласиться только отчасти, отмечая, что и в XIX в., и даже (в косвенной форме) в XX столетии династические связи не только между монархами, но и просто между представителями правящих кругов сохранили значительную степень влияния на расстановку внешнеполитических приоритетов. Что же касается культурного фактора, то необходимо обратиться к двум функциям специфического канала межкультурной коммуникации: интеграционной (интенсификация культурных контактов и заимствований в процессе расширения государства) и регуляторной (ограничение расширения в результате перенасыщения культурными заимствованиями). Интеграционная функция переходит в регуляторную, когда объем заимствования культурной информации достигает критического предела. Во многих случаях (торговля, колониальная политика) этот предел может быть связан с возникновением сепаратистских тенденций в окраинных регионах, живущих менталитетом, разительно отличающимся от менталитета имперского центра, по причине интенсивного межкультурного взаимодействия. Однако для династических связей как специфического канала межкультурной коммуникации критический предел выражается не столько в угрозе физического распада империи (хотя и это может быть опосредованным следствием). Главной проблемой становится сам факт смены правящей династии на иностранную и увеличения числа иностранцев при дворе настолько, что национальная элита и правительство начинают вести принципиально иной образ жизни, чем другие слои общества. Причем в данном случае это зависит не от разницы в социальном статусе, а именно от фундаментальных различий культуры, языка, менталитета.

Далее необходимо отметить некоторые важные аспекты использования генеалогической терминологии. Так, несмотря на то, что понятия «дом» и «династия» применительно к генеалогии часто считаются синонимичными, в рамках данного исследования они будут четко разграничены. Дом будет рассматриваться как родственная общность более высокого порядка, которая может включать в себя несколько династий, которые, в свою очередь, могут разделяться на ветви. Такое терминологическое разграничение не только удобно для упорядоченного рассмотрения исследуемых взаимосвязей, но и обусловлено необходимостью решения одного существенного вопроса. А именно: определения Рюриковичей как дома, состоящего из нескольких династий поместных князей. Фактически княжеские династии давно уже рассматриваются исследователями как самостоятельные генеалогические объекты, в них выделяются ветви, изучаются их взаимные пересечения и вытекающие отсюда проблемы наследования местных титулов и прочее. Однако из этого положения вещей не были сделаны некоторые необходимые выводы. Один из них – корректировка периодизации династий на русском троне. Окончательным отстранением от него дома Рюриковичей нужно считать конец правления Василия Шуйского, поскольку династия Шуйских также входит в дом Рюриковичей. О других выводах будет сказано далее.

Помимо прочего, проблематика межкультурных коммуникативных аспектов династической политики, наряду с такими важными сферами как внешняя торговля, территориальная экспансия и колонизация, реформаторские процессы в Церкви, входит в контекст внешних связей российского государства периода Средних веков и Нового времени. Наиболее существенно это контекстуальное сближение в XVII-XIX вв., иначе говоря, в имперское время. Данный период четко очерчивается смутой и революционными процессами 1900-1910-х гг. как зарождением и крахом империи – не формально, а по сути. Хотя возможно и формальное отнесение зарождения имперской государственности в России к периоду объединения княжеств вокруг Москвы и уверенной централизации верховной власти, это только отодвигает нижнюю хронологическую границу, несколько размывая черты изменений в династической политике, обеспечившие ей вхождение в системный межкультурный коммуникативный контекст. При помещении же нижней хронологической границы на рубеж XVI-XVII вв. данные черты выглядят более отчетливыми, но существо вопроса от этих поправок в хронологии не изменяется.

Этническая основа становления российской государственности по-прежнему вызывает много вопросов и отнюдь не ограничивается ставшим уже классическим спором между славянофилами и западниками. Территория нынешней центральной России находится в периметре, ограниченном Венгрией и Эстонией на западе, Финляндией на севере и Поволжьем на востоке, очерчивающем границы расселения финно-угорских племен. В раннем средневековье и предшествующих ему веках эта территория неоднократно подвергалась нашествиям других народов. Так, о готском расселении от Балтики до Волги свидетельствует «Список народов Германариха», хорошо проанализированный В. В. Напольских. Однако, делая выводы, автор, признавая дискуссионность своего утверждения, все же заявляет, что «возможно, речь в готском тексте шла о походе какой-то конкретной группы воинов или торговцев либо о путешествии одиночки…» и добавляет: «При этом надо полагать, что глаголом, который управлял аккузативными формами в изначальном готском тексте, был, видимо, не ‘победил’ / ‘покорил’, но скорее ‘посетил’ / ‘проехал, миновал’». Он отмечает в сноске к этим рассуждениям, что «что интерпретация “Списка” именно как описания пути позволяет отказаться от обреченных на неудачу попыток рассмотрения его как описания границ “державы Германариха”», но аргументов, обосновывающих их обреченность на неудачу, не дает [11, с. 28]. Тем не менее, относительно датировки содержания списка он считает, что «в любом случае… его следует относить, видимо, к догуннскому времени, к периоду готского культурно-политического доминирования в Восточной Европе» [Там же, с. 20]. Народы, перечисленные в «Списке Германариха», по крайней мере, уверенно реконструированные этнонимы в первой его части, – это финно-угорские племена, покоренные (все-таки, в тексте так) готами в догуннское время. Таким образом, следующая этническая волна, накрывшая эту территорию, оказывается нашествием гуннов, которым в течение длительного времени приписывалось монголоидное происхождение, однако их язык (дискуссионно) относят к тюркской семье. Как бы скоро гунны ни оставили эти земли, они не могли не оказать на их население существенного культурного влияния. И буквально несколько веков спустя население данной территории оказывается славянами.

Другую существенную проблему, которую предпочитают вульгаризировать до гальванизации трупа приблизительно трехсотлетней давности, – противостояния норманнской и антинорманнской теории – продуктивнее рассматривать в контексте разговора об этнической отделенности элиты от управляемого народа уже на ранних этапах становления русской государственности и постоянном нарастании этой дистанции до критического предела. Устойчивая практика приглашения на русский престол выходцев из Северной или Центральной Европы началась с варяжского княжения и достигла апогея в эпоху правления Голштейн-Готторпов. Между ними необходимо отметить еще приглашение Владислава Ягеллона-Вазы и династию Брауншвейг, а косвенно – и Романовых, по одной из версий имевших балтийские корни. Л. Штур считал, что «не сами славяне закладывают русское государство и с самого начала развивают всеподчиняющую силу, объединяющую различные части в одно великое целое, а чужеземцы – германские норманны. Эта исчужа привитая Руси сила принялась в способном русском народе и перешла в наследство к носителям высшей в нем власти» [20, с. 14-15]. Он также указывал: «Славяне воспринимают культуру только через германцев и их дальнейших соседей, галлов» [Там же, с. 24]. Подобные сентенции следует интерпретировать не в идеологическом, а в сугубо фактическом ключе. Во введении к одной из своих

книг исследователь русско-скандинавских историко-культурных взаимосвязей Ф. Б. Успенский пишет: «Одинаково трудно представить себе Русь без скандинавского присутствия и определить, в чем именно это присутствие на Русь повлияло» [18, с. 11].

Вместе с тем, уже на самых первых этапах становления российской государственности возникла, с одной стороны, необходимость диалога, а, с другой стороны, конкуренция между представителями правящей верхушки, имевшими кровные связи с восточными и западными элитами. Нельзя оставить без внимания тот факт, что в течение нескольких столетий формировались тесные узы между русскими княжескими родами и тюркскими и монгольскими ханами. Эти взаимоотношения постоянно подкреплялись новыми союзами и имели под собой достаточно веские основания. Так, например, для ордынских ханов поощрение смешанных браков (не только династических) было, во-первых, элементом ассимиляции и залогом закрепления своих позиций на очередном этапе территориальных приобретений; во-вторых, являлось одним из способов утвердить свою власть, избегая силового вмешательства и лишних военных потерь. Для русских князей вступление в родственные связи с ордынским ханом, с одной стороны, было признанием своего вассального статуса и отказом от сопротивления. Таким способом они входили в ханскую семью, где зятья находились в подчиненном положении по отношению к главе рода. С другой стороны, князья стремились обезопасить собственные земли от разорения (а иногда и свою жизнь) путем приобретения родственного покровительства. Например, «именно родственные узы с монголами объясняют “исключительное положение” ростовских князей в системе монгольского управления Русью» [17, с. 35]. Заключались и более ранние династические союзы с печенегами и половцами, кровь которых впоследствии закрепилась в суздальских, владимирских, ярославских, ростовских, тверских, нижегородских и др. княжеских родах. Инородческое происхождение имели дворянские роды Шейдяковых, Юсуповых, Урусовых, Кантемиров, Глинских, Нарышкиных, Апраксиных, Уваровых и др., а также правившая династия Годуновых. Здесь необходимо указать на то, что контакты с половцами и ордынское нашествие продолжили формирование российского государства в азиатском цивилизационном русле, движение по которому, как это ни парадоксально, направлялось монархами, в основном, германо-скандинавского происхождения, свидетельством чему являются параллельно развивавшиеся династические связи с западными владетельными домами.

Необходимо отметить, что на ранних этапах становления государственности для варяжской династии адаптация к древнерусским культурным реалиям была до определенной степени необходимостью, в то время как на имперском этапе представители династии Голштейн-Готторпов ограничивались декларативной, формальной, внешней стороной, оставаясь по самоощущению немцами. Хотя и в том, и в другом случае имели место изучение языка, смена имени и вероисповедания, они носили разный смысловой характер. Таким образом, в имперский период был достигнут, в соответствии с функциями специфического канала межкультурной коммуникации, критический предел культурных заимствований, когда иностранная элита уже не нуждалась в глубокой адаптации, а, напротив, сама формировала культурную специфику государственного устройства. Парадоксальность ситуации, сложившейся после воцарения голштинской династии, состояла в том, что если опираться строго на феодальное право в тех общих его аспектах, которые характерны для практически всех феодальных систем наследования владения и титула, Россия становилась вотчиной младшей ветви Голштейн-Готторпов. Т.е. по сути, она превращалась в удельное немецкое княжество, мелкое по своему статусу, несмотря на то, что это контрастирует с ее огромной территориальной протяженностью, хотя, конечно, формализовано это было как то, что российский император сохранял за собой среди прочих и титул голштинского герцога. То же самое можно сказать и в отношении княжения Рюрика: хотя к тому времени феодальное право еще не было оформлено как таковое, тем не менее, фактически русские земли становились удельным владением варяжской династии, впоследствии разросшейся в большой дом Рюриковичей, однако частично слившийся с родами ордынского происхождения. Несмотря на то, что для российской историографии привычно рассмотрение Древней Руси периода раздробленности (тем не менее) как некого единства, представляется вполне уместной аналогия с династической борьбой за права на тот или иной трон, происходившей между мелкими княжествами и королевствами в средневековой Европе. Причем важно указать на контраст ключевых аргументов в древнерусских феодальных конфликтах: с одной стороны, отсылка к старшинству той или иной ветви внутри разросшегося варяжского дома; с другой стороны, апеллирование (в период зависимости) к ордынским санкциям.

Однако нельзя сказать, что русские князья ограничивались только отдельными династиями, с которыми поддерживали тесные родственные контакты. В период феодальной раздробленности и Московского государства спектр как регулярно подкрепляемых, так и единичных династических связей был достаточно широк. Известны брачные союзы с западно-, центрально-, восточноевропейскими и скандинавскими династиями. В то же время, традиционный для средневековья опыт приглашения на трон иноземного правителя в критические для государства периоды также находил применение в российской династической политике. В частности, это выразилось в попытке выхода из династического кризиса рубежа XVI-XVII в. путем возведения на московский престол представителя династии Ягеллонов-Ваза. Г. М. Коваленко пишет: «В Смутное время Россия стала ареной столкновения политических интересов Польско-Литовского государства и Швеции» [8, с. 29], соперничество которых усугублялось династическим конфликтом, и поясняет: «Сын шведского короля Юхана III Сигизмунд… был избран польским королем, в 1592 году после смерти отца был объявлен и королем Швеции. Младший брат Юхана III герцог Карл возглавил борьбу… против Сигизмунда… Детронизация Сигизмунда стала началом конфликта между двумя ветвями династии

Ваза» [Там же]. При этом польский трон Сигизмунд сохранил – он был избран на него как наследник (хотя и по женской линии) династии Ягеллонов. И если Василий Шуйский (а ветвь Шуйских происходила из дома Рюриковичей, поэтому справедливо говорить о том, что правление Рюриковичей прерывалось правлением Годуновых, но фактически прекратилось с низложением Шуйского в 1610 г.) попытался сделать ставку на союз со шведами, то боярские круги предпочли видеть на российском троне сына Сигизмунда Владислава. «С избранием иностранного принца связывались надежды на возвращение монарху… роли верховного арбитра, стоявшего над столкновением отдельных группировок» [Там же, с. 31], т.е. те же мотивы, которыми руководствовались в случае приглашения Рюрика (впрочем, проблема поиска внешнего регулятора внутренних противоречий характерна и для других эпизодов российской истории). Необходимо принять во внимание и тот факт, что Сигизмунд «и его ближайшее окружение хотели превратить Россию не в часть политической системы Речи Посполитой, а в подобие польских колоний по образцу испанских владений в Америке» [Там же, с. 32]. Владислав не удержался на российском престоле, хотя был приглашен на него официально и успел воспользоваться атрибутами царской власти (титулом, чеканкой собственной монеты и т.п.), однако на царство венчан не был. Выход из династического кризиса смутного времени связан с возведением на престол новой династии – Романовых. Происхождение этого рода достоверно не описано и возводится то в Литву, то в Пруссию, то в Новгород. Не стоит забывать и о том, что отец Михаила Романова Филарет (в миру Федор) в период Смуты занимал пост патриарха в «Тушинском лагере» Лжедмитрия II. Однако избран на престол Михаил Федорович Романов был именно как представитель русского рода (иноземные кандидатуры были отвергнуты), обе супруги царя также происходили из русской знати. Вместе с тем, родство (пусть и непрямое) Романовых с Рюриковичами подчеркивалось и также имело свое значение при избрании.

Первые Романовы следовали патриархальной традиции династических связей и выбирали невест среди русского дворянства. Новый этап в установлении брачных отношений с иноземными династиями начал Петр I, но после его смерти и в результате проводимой им политики Россия пережила второй крупный династический кризис, аналогичный по масштабу кризису времен Смуты. Обратив реформаторский взгляд на запад, желая укрепить позиции российского государства на европейской политической арене, Петр I предполагал среди прочих внешнеполитических средств воспользоваться и установлением новых прочных династических связей с некоторыми правящими домами. С этой целью он запланировал заключение нескольких браков ближайших родственников: дочери Анны (1724 г.), сына Алексея (1711 г.) и племянниц Анны (1710 г.) и Екатерины (1716 г.). Из них два были направлены на укрепление связей с европейскими дворами, а два других – на осуществление балтийских интересов Петра. И если на рубеже XVI-XVII вв. у русского трона интересы Швеции столкнулись с интересами Речи Посполитой, то в XVIII в. дипломатическими партнерами и конкурентами шведов в вопросах династических связей с Российской империей стали сразу нескольких европейских аристократических родов, за которыми стояли Австрия и Пруссия. Благодаря устроенному Петром браку Анны Ивановны и герцога Курляндского, который скончался сразу после свадьбы, удалось существенно укрепить влияние России в Курляндии. Это был, пожалуй, единственный успешный ход в династической стратегии Петра, т.к. остальные брачные союзы, организованные им или его преемниками, привели к тому, что за полстолетия династия на русском троне сменилась дважды. Принятое Петром I решение об отказе от примогенитуры во многом основывалось на его личной неприязни к сыну и заключалось в следующих формулировках: «Понеже всем ведомо есть, какою Авессаломскою злостию надмен был Сын Наш Алексей… а сие не для чего инаго у него взросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали, к тому ж один он тогда мужеска пола нашей фамилии был, и для того, ни на какое отеческое наказание смотреть не хотел… дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому Оной хочет, тому и определит наследство» [14, с. 496]. Формально превращение выбора наследника в частное решение действующего правителя должно было служить повышению качества этого выбора. Фактически же введенные изменения повлекли за собой череду заговоров, выражавших несогласие с волеизъявлением царей, и переворотов, происходивших на всем протяжении XVIII в. в России.

Период после краткосрочного правления и скоропостижной кончины Петра II – внука Петра I по прямой мужской линии – можно назвать периодом хотя и не явно выраженного, стратегически не оформленного, но, тем не менее, противостояния двух родов, имевших шансы занять российский трон. С одной стороны, это были Брауншвейги, приближенные к Романовым через брак Алексея Петровича и герцогини Брауншвейг-Люнебургской и Вольфенбюттельской, с другой стороны, Голштейн-Готторпы (брак Анны Петровны). Анна Ивановна, определяя себе наследника и выбирая между союзничеством с Пруссией или Австрией, предпочла второй вариант, отвергнув для своей племянницы Анны Леопольдовны кандидатуру Бранденбургского маркграфа, выдав ее за Антона-Ульриха Брауншвейга, состоявшего в родстве с австрийским правящим домом, и объявив их сына преемником трона. Елизавета Петровна, добившись свержения Брауншвейгов, напротив, переориентировала династическую политику в прусском направлении, объявив наследником своего племянника Карла Петера Ульриха, сына Анны Петровны и герцога Голштейн-Готторпского, и, при участии Фридриха Прусского, организовав его женитьбу на княжне Ангальт-Цербстской, по матери происходившей также из Голштейн-Готторпов. Когда Карл Петер Ульрих, приняв имя Петра III, наследовал Елизавете Петровне, а ему, после его скорой кончины, наследовала его супруга под именем Екатерины II, династия Романовых оказалась поглощена Голштейн-Готторпами. Это родовое имя и герцогский титул российские монархи официально носили и в дальнейшем. Однако необходимо отметить,

что часть аристократических кругов в течение периода дворцовых переворотов демонстрировала реакционные настроения и желание вернуться к прежнему опыту ведения династической политики: выбирать невесту для наследника престола среди русской знати. Наиболее активными выразителями таких взглядов были князья Долгорукие. Вместе с тем, их деятельность имела явное внутренне противоречие: с одной стороны, они надеялись отстоять традиционную систему престолонаследия, авторитет коренной аристократии, а на уровне идеологии – русскую Россию, но, с другой стороны, попытались ввести ограниченную монархию при Анне Ивановне – европейское по своей сути явление, безусловно, разбившееся о деспотическую азиатскую ментальность. Да и сами методы их деятельности еще в период интриг против Меншикова едва ли способствовали исправлению тех критических шагов в династической политике, которые допустил Петр I. Собственно, исправлены они были только в период правления Павла I, который отменил соответствующий петровский указ, вернув традиционную схему наследования престола по прямой мужской линии [15, с. 587-589].

Тем не менее, ориентация на заключение союзов с германскими и скандинавскими правящими домами была сохранена в российской династической политике и в XIX в., поддерживались и тесные контакты с Ольденбургским домом, в который младшей ветвью вошли русские Голштейн-Готторпы. Это проявлялось во внешней политике, в частности, сыграло свою роль в период войны 1812 г., которая, среди прочего, имела и династические предпосылки. Герцогская династия Ольденбургов (ветвь, которую не следует путать с общим наименованием дома) находилась под особым покровительством российских императоров в силу близкого родства (основатель ветви приходился дядей Екатерине II). С екатерининских времен представители этой ветви занимали высокие посты при русском дворе. Вопрос о судьбе Ольденбургского герцогства остро встал в 1810 г., когда Наполеон пожелал присоединить его к своей империи. Супругой правившего на тот момент герцога была Екатерина Павловна, сестра Александра I, что усугубило ситуацию, т.к. Наполеон вынудил герцога с супругой выехать из владений, поставив под угрозу заключенный с Александром Тильзитский мир. Обозначая реакцию на произошедшее, граф Нессельроде докладывал Александру: «На первом месте я ставлю ольденбургские дела… потому, что достоинство Вашего Величества требует, чтобы нам было дано удовлетворение за обиду, нанесенную принцам, родственникам вашего дома. Но так как мы не могли и не хотели протестовать против деяний, в которые, между прочим, входил и захват территории этих принцев, и так как без счастливой войны с Францией мы не можем надеяться заставить ее восстановить в прежнем виде Ольденбургское герцогство, то нам остается только одно – принять принцип вознаграждения. Но выбор такового труден… Поэтому единственный способ устроить это дело был бы обмен наших прав на Ольденбург, передачи которых желает Наполеон, на такие уступки, которые доказали бы, что он действительно хочет мира…» [Цит. по: 2, с. 592-601]. Попытки Александра I добиться возвращения своим родственникам владений или достойной компенсации за них не имели успеха, что привело к объявлению формального протеста и, в совокупности с другими причинами, к началу войны. Во внутренних династических вопросах павловское возвращение к традиционному престолонаследию привело к кризису 1825 г., когда после смерти Александра I сначала отсутствие формального отречения от Константина, затем необходимость переприсяги Николаю едва не привели к новому государственному перевороту. Однако на смену пришел период стабильного целенаправленного выстраивания династических связей и использования их для реализации стратегических интересов в контексте династического монополизма Ольденбургского дома, охватившего весь север Европы и распространявшего свое влияние на другие регионы.

Во второй половине XIX в. российская династическая политика оказалась в тесной связи с внешнеполитической активностью на Балканах, так называемым «восточным вопросом» и панславистской идеологией. Балканское геополитическое направление было частью траектории развития идеологической стратегии панславизма. А. А. Григорьева отмечает: «К 80-м годам XIX века Россия уже накопила ощутимые природно-территориальные, экономические и демографические ресурсы, позволившие ей сформировать мощную военную базу, а ослабление Османской и Габсбургской монархий создало объективные предпосылки для активного продвижения “русского колосса” в балканском направлении. Идеологическим обоснованием последнего стал российский вариант панславянской теории…» [4, с. 78], однако «приход к власти в Болгарии и Греции в 1885 г. прогерманских кругов неизбежно повлек за собой усиление на Балканах геополитических противников России, что на некоторое время “охладило” панславистские настроения среди “братских” народов» [Там же]. Действительно, смена династии Баттенбергов на Саксен-Кобург-Готскую в Болгарии и династии Виттельсбахов на Глюксбургскую ветвь Ольденбургского дома в Греции находилась в тесной связи с российскими внешнеполитическими целями и проходила при явной заинтересованности Голштейн-Готторп-Романовых. Что касается Георга I, взошедшего на греческий трон в 1863 г., то, во-первых, необходимо принимать во внимание, что Глюксбурги, как и Голштейн-Готторпы, являются ответвлением Ольденбургского дома. Во-вторых, Георг был женат на племяннице Александра II Ольге Константиновне, а в-третьих, трое его детей также вступили в брак с представителями российского правящего дома. Это способствовало укреплению дипломатических отношений между странами и усилению прорусской партии при греческом дворе. В Болгарии же события разворачивались не так прямолинейно. Александр I Баттенберг был племянником жены Александра II, в девичестве принцессы Гессенской, и его протеже на болгарском троне, который занял в 1879 г. Тем не менее, в период Болгарского кризиса 1885-1887 гг. Александр Баттенберг стал действовать вразрез с российскими интересами, что привело в 1886 г. к пророссийскому перевороту и отречению князя, фактически по намеку со стороны

российского императора Александра III. Тем не менее, дальнейшие шаги российской династической политики в Болгарии оказались неэффективными. Попытка возвести на трон Вальдемара Глюксбурга – протеже Александра III, брата его жены Дагмары – оказалась неудачной по причине отказа датского принца от избрания. Предложение Англии восстановить на престоле Баттенбергов Россия отвергла, и переориентация болгарской элиты на сотрудничество с Австрией и Германией привела к восшествию на трон Фердинанда I Саксен-Кобург-Готского, действовавшего в австрийских интересах, в то время как пророссийский панславизм противоречил интересам Австро-Венгрии как многонациональной империи, соперничавшей с Россией на Балканах [22, p. 18]. В этих событиях можно усматривать попытку Голштейн-Готторп-Романовых содействовать занятию двух балканских престолов представителями близкородственной им ветви Глюксбургов (успешную в Греции и провальную в Болгарии), которая также укладывается в проблему династического монополизма.

Династические связи внутри Ольденбургского дома имели свое значение и в период Первой мировой войны – к этому времени они связали правителей России и Великобритании. Родство между Георгом V и Николаем II определяется принадлежностью их родителей к Ольденбургскому дому. Король Дании Христиан IX из Глюксбургской ветви Ольденбургов среди шести своих детей имел дочерей Александру, ставшую матерью Георга, и Дагмару, ставшую матерью Николая. Кроме того, поскольку русские Голштейн-Готторпы сами являются ответвлением Ольденбургского дома, Николай II принадлежал к нему по обеим линиям, а Георг V только по матери. Георг и Николай приходились друг другу двоюродными братьями. Дипломатическая переписка кузенов-правителей по интонациям смыкается с частными письмами, отражая вместе с тем и тесное сосуществование в ней государственных и семейных связей. Вот цитаты из двух телеграмм 1916 г. Георг Николаю: «До меня дошли сведения из многих источников… что германские агенты в России производят большие усилия, чтобы посеять рознь между моей страной и твоей, вызывая недоверие и распространяя ложные сведения о намерениях моего правительства… меня огорчает мысль, что в России могут существовать какие-либо сомнения в искренности и твердости намерений Британии» [5, с. 127]. Подпись: Джорджи. Николай Георгу в ответ: «Благодарю тебя за откровенность, с которой ты выразил мне свое огорчение… я писал тебе несколько раз, как я счастлив, что чувства глубокой дружбы к Англии все более и более укореняются в моем народе… конечно, имеются отдельные лица, не разделяющие этого взгляда, но я постараюсь справиться с ними» [Там же, с. 128]. Подпись: Ники. Вильгельм II Гогенцоллерн также состоял в родстве с обоими монархами. Мать Вильгельма Виктория была родной сестрой Эдуарда VII, отца Георга, т.е. Георг и Вильгельм тоже были кузенами. С Николаем же Вильгельма связывало более отдаленное родство через жену Николая I Шарлотту Прусскую (Александру Федоровну в православии), происходившую из Гогенцоллернов и бывшую сестрой Вильгельма I, деда Вильгельма II. Вильгельм II, таким образом, приходился Николаю II троюродным дядей. В связи с этим, предпринимались попытки урегулирования внешнеполитического конфликта путем родственных переговоров, в частности, при содействии Христиана X (короля Дании, так же, как Георг и Николай, приходившегося внуком Христиану IX). Вильгельм говорил по этому поводу: «Только царственная особа может выступить посредником в настоящем раздоре, и из всех царственных особ никто не находится в лучшем для этого положении, чем король Христиан Датский» [Там же, с. 136]. Таким образом, генеалогически мощный еще со средневековья дом Ольденбургов оставался одним из европейских династических монополистов и в начале XX в., проникая многочисленными ветвями в новые для себя государства, занимая новые престолы. Тем самым, многие политические проблемы европейских государств одновременно решались на дипломатическом и практически внутрисемейном уровне. Однако, что касается России, если принадлежность императоров к Голштейн-Готторпской ветви не слишком подчеркивалась публично, то их супруги, несмотря на смену имени и вероисповедания, нередко оставались для современников иностранками, а европейская аристократия не забывала их место в династической иерархии. Например, известно, что кайзер Вильгельм относился к супруге Николая II, урожденной Алисе Гессен-Дармштадтской, «часто не как к Русской Императрице, а как к немецкой мелкой принцессе Alix» [Цит. по: 19, с. 87], а В. Пуришкевич в своем дневнике писал о ней: «Императрица Александра Федоровна… оставшаяся немкой на русском престоле и чуждая стране и народу…» [16, с. 169]. Ту же характеристику можно дать и в целом российской ветви Голштейн-Готторпов.

Совершив необходимый исторический обзор последовательной смены иноземных династий на российском престоле, необходимо обратить внимание на некоторые существенные тенденции, характеризующие имперскую эволюцию России в тесной связи с династической политикой, стратегией и в контексте диалога между Востоком и Западом. В течение всего периода формирования российской государственности сохраняла существенное значение взаимосвязь династической и религиозной политики в самых разных ее аспектах: от проблемы смены вероисповедания при вступлении в брак до общего государственного курса в отношении религии. Религиозный аспект учитывался и оговаривался юридически при заключении династических браков как в Московском государстве, так и в Российской империи. Одним из ярких примеров религиозного аспекта династической политики московских правителей является перемирие в Московско-литовских войнах рубежа XV-XVI вв., достигнутое благодаря браку Александра Ягеллона и дочери Ивана III. Как писал Н. И. Костомаров, Александр «задумал жениться на дочери Ивана, Елене, и таким образом устроить прочный мир между двумя соперничающими государствами» [9, с. 170]. Однако брак был возможен только на условии недопущения перехода в католичество молодой жены, которая стала оплотом православия в литовских землях. Недолгий мир 1494-1500 гг. убедил Александра в стабильности его положения настолько,

что он счел возможным нарушить данное обещание, попытавшись склонить Елену к смене вероисповедания. Это немедленно привело к массовому переходу православных феодалов из Литвы в Московское княжество и возобновлению войны. С одной стороны, именно брачный союз был залогом перемирия и удерживал стороны в пределах исполнения принятых обязательств, когда иные средства к заключению мира оказались несостоятельны. С другой стороны, религиозные разногласия являются опасным препятствием для миротворческой деятельности и, в сочетании с мотивами военно-политической выгоды, могут разрушить любой сложившийся союз; вместе с тем, смена вероисповедания как форма трансляции культурной информации и способ адаптации в новой среде является значимым межкультурным коммуникативным проявлением, связывающим явления микро- и макроуровня (в данном случае вопросы частной духовной жизни, семейной сферы и внешней политики целого государства). Это, как один из критериев, подтверждает рассмотрение династических браков в качестве специфического канала межкультурной коммуникации со всеми свойственными ему закономерностями.

В Российской империи смена вероисповедания претендентом на престол была закреплена законодательно, это было связано с проблемой национальной самоидентификации. В. В. Лапин в комментариях к изданию «Журнала или Описания лет и побед Петра Великого…» особо отмечает, что «манифестом, от 7 ноября 1742 г., императрица объявила о принятии наследником престола православной веры, чем успокоила народ, сильно опасавшийся возвращения страшной эпохи господства немцев-иноверцев…» [6, с. 47]. Подтверждал это и павловский Акт о престолонаследии, запрещавший иноверцам занимать российский престол: «…Когда наследство дойдет до такого поколения женскаго, которое царствует уже на другом каком престоле, тогда предоставлено наследующему лицу избрать веру и престол, и отрещись вместе с наследником от другой веры и престола, если таковой престол связан с законом, для того, что Государи Российские суть Главою Церкви; а если отрицания от веры не будет, то наследовать тому лицу, которое ближе по порядку» [15, с. 588]. Таким образом, понятно, что разные слои российского общества вполне отдавали себе отчет, что на трон возведена иноземная династия, власть же старалась этот факт замаскировать. А. И. Герцен, издавая «Записки императрицы Екатерины II», упоминал в предисловии о том, что факт правления голштинской династии умышленно замалчивался, о нем запрещалось преподавать [7, с. VI]. За этим можно усматривать не просто попытку «успокоить народ», но целенаправленную мифологизацию династической преемственности и поддержания образа русского православного царя вопреки очевидной действительности. Такого рода деятельность по существу не слишком отличается, например, от мифологизации непрерывной линии Рюриковичей или, если брать шире, любого монархического рода, стремившегося возвести свои корни к тому или иному предку, историческая память о котором стратегически необходима на данном этапе развития государства. В России долгое время таким идолом был Петр I. Его последователями объявляли себя даже те, кто вообще не имел к нему отношения по крови (к примеру, Екатерина II). Неудивительно, что последующие монархи стремились представить линию престолонаследия Романовых как непрерывную и вписанную в традиции. Также неудивительно, что отдельные «заслуги» Петра, по сути и приведшие к пресечению рода Романовых и воцарению Голштейн-Готторпов, тщательно ретушировались и прятались за актами демонстративного обрусения и оправославливания. Можно рассматривать попытку такой конспиративной, если можно так выразиться, германизации российских правящих кругов, предпринятую Петром I и его последователями, как элемент курса на Европу в смысле цивилизационного самоопределения, как стремление вернуться к варяжским корням. Но осознавалось ли при этом, что все, от этих корней взращенное, уже поглощено непреодолимой толщей азиатского культурного слоя, в течение почти тысячелетия объемлющего Россию и транслировавшего ей свою информацию гораздо активнее любых влияний из Европы? Ответ на этот вопрос является дискуссионным и требует дополнительных изысканий, однако сам факт данной попытки отрицать невозможно.

Взаимозависимость династической политики и государственного курса в отношении религии имеет свои примеры и в европейской истории. Так, начало английской Реформации находится в теснейшей связи с династическими вопросами – о брачной эпопее Генриха VIII как причине разрыва с папским престолом написано немало. Одновременно религиозная политика всегда была взаимосвязана с межгосударственными союзническими отношениями или, наоборот, конфликтами, с предпочтениями ориентироваться на Запад или Восток. Особенно актуально это было во все времена для России. И если династический кризис рубежа XVI-XVII вв. грозил Москве восшествием на престол поляка-католика, да и в целом противостояние православия и католицизма было для раннего Московского государства особенно острым вопросом, то при новой династии в России развернулась Реформация, ничуть не уступающая по масштабности подобным процессам в Европе. И ко времени очередного династического кризиса – периода дворцовых переворотов – российская Реформация, как и английская, привела к подчинению Церкви светским властям. Хотя это может показаться некоторым отступлением от заявленной темы, на вопросе о русской Реформации стоит остановиться подробнее, поскольку он имеет значение не только для более детального осмысления роли религии в династической политике, но и для понимания геополитического самопозиционирования России при новой династии.

Если ставить вопрос о хронологических рамках и внутренней периодизации российской Реформации, то он будет крайне дискуссионным, но, по крайней мере, представляется обоснованным ограничить его XV-XVIII вв. и выделить внутри этих рамок четыре этапа:

- 1448-1589 гг. – период управления независимыми митрополитами;

- 1589-1652 гг. – период патриаршего управления (до реформы Никона);
- 1652-1700 гг. – период от реформы Никона до реформы Петра I;
- 1701-1721 гг. – период от упразднения патриаршества до учреждения Правительствующего Синода.

Если для первых трех этапов характерно стремление утвердить автокефальность Русской Церкви наряду с укреплением духовной власти внутри Московского государства (по словам патриарха Никона о равновеликом статусе светской и церковной власти, «если будет согласие между обеими властями, то настанет всякое добро человеческой жизни» [Цит. по: 9, с. 469]), то для последнего этапа характерно подчинение Церкви государству. Совокупность этих реформ оказала значительное влияние на жизнь общества в целом. Хронологическое отставание российской Реформации от подобных процессов в европейских странах вписывается в тенденции общего смещения периодизации российской истории относительно истории Западной Европы, что сближает Россию с азиатскими странами и является еще одним аргументом в пользу ее принадлежности к восточному типу цивилизации. Если на Западе один из основных мотивов Реформации – независимость от межгосударственного религиозного центра, то для России эта проблема была актуальна только на первых этапах, до установления автокефалии. Другой мотив Реформации в России – это именно попытка вернуться в европейское русло, противопоставить некие нововведения устоявшимся традициям, уходящим корнями в восточную цивилизационную модель. Мотивы церковных деятелей, стремившихся сломить то, что мешало утверждению полной независимости Русской Церкви, в этом смысле перекликаются с мотивами европейских церковных инициаторов Реформации. Петр же «ломал» именно то, что мешало ему «рубить окно в Европу», в том числе он сломил и саму Церковь. Ликвидация патриаршества и подчинение Церкви государству посредством синодального управления по форме сопоставимы с установлением Англиканской Церкви Генрихом VIII и провозглашением действующего монарха ее главой. Однако если Генрих, как и другие европейские реформаторы, стремился оторваться от религиозной монополии Рима, то для Петра была помехой даже национальная Церковь, поскольку цели его реформ во многом носили интернациональный характер.

Вместе с тем, параллельно с подавлением Церкви осуществлялось поощряемое на государственном уровне распространение христианства среди восточных инородцев, которое можно интерпретировать как внутреннюю противоречивость политики Петра. Однако оно связано с тем, что Россия пыталась быть транслятором западной культуры, которую сама до конца не усвоила, в свои восточные колонии. Необходимо принять во внимание как еще один важный аспект имперской политики в сфере религии, что Церковь всегда использовалась как инструмент в процессе территориального расширения и освоения новых земель. По меткому замечанию Е. Аниченко, «столетиями территориальная экспансия России сопровождалась распространением православия и пьянства» [21, p. 133]. Это многое говорит о значении культурных ценностей, транслировавшихся русскими коренному населению колоний. Петр I в рамках своих реформаторских мероприятий окончательно подчинил деятельность Церкви имперским геополитическим интересам. Об этом свидетельствуют издававшиеся им указы [13, с. 59-61], сначала применительно к пограничным сибирским окраинам, а затем нашедшие свое продолжение в период освоения Русской Америки. Обстоятельства обращения инородцев Сибири и Аляски в православие указывают на то, что Церковь использовалась государством как один из механизмов колониального управления. При этом смена вероисповедания коренным населением осуществлялась в обмен на разного рода блага, предлагаемые колонизаторами [12, с. 23, 60]. Аналогичные формы использования Церкви можно наблюдать и в колониально-административной активности европейских государств, из которых крупнейшими колонистами стали именно страны, где прижились идеи Реформации. Среди них Великобритания – самый наглядный пример наиболее обширной и мощной колониальной империи, которая одновременно полностью подчинила Церковь короне де-юре и де-факто. Не этой ли моделью вдохновлялся Петр? Во всяком случае, он пошел тем же путем, и это вновь дает повод искать параллели между российской и английской Реформацией, подозревая в первой оглядку на Запад. Нужно отметить, что оплотом и распространителем западной культуры по остальному миру (если рассматривать ту совокупность ценностей, которую мы сегодня понимаем под термином «западная культура») стали отнюдь не наследники античности – романские государства, а германские народы, цивилизовавшие Северную Америку, Северную Европу, Австралию, ряд регионов Африки и Азии. И чрезвычайно важную роль в этом сыграла Реформация, «выцедившая» из восточного по своему происхождению христианства те элементы, которые согласовывались с западным менталитетом. При этом под германскими народами понимается государствообразующее население нынешних скандинавских стран, Голландии, Германии и Англии (именно Англии, а не Великобритании, поскольку кельтское население Ирландии и Шотландии не имеет отношения к германским народам и не поддержало реформационные процессы, сохранив верность Католической Церкви). Романских же народов в их цивилизаторском порыве хватило лишь на то, чтобы сформировать передовой отряд стран Третьего мира. Консервативный католицизм сыграл здесь не последнюю роль. Вот почему важно понять, являются ли сходные процессы в Российской империи вариантом Реформации и, следовательно, была ли это попытка вспомнить «варяжскую закваску», «новгородскую опару» российской государственности и вернуться в западноевропейское русло, пусть эта попытка и осталась, в конечном счете, незавершенной и, как следствие, безрезультатной.

Первые три этапа в предложенной периодизации российской Реформации представляют собой самостоятельную проблематику, значительно меньше связанную с вопросами династической политики и межкультурной коммуникации, чем последний этап. В нем можно выделить как общеевропейские черты

(встречавшие не только внешнюю, но и внутреннюю критику со стороны участников реформы – например, С. Яворский осуждал протестантские, с его точки зрения, церковные тенденции, к которым Петр I и Ф. Прокопович относились достаточно благосклонно [1, с. 234-235]), так и российскую специфику реформационных процессов. Возможно, такие элементы петровской Реформации как борьба с юродством как одним из столпов дореформенной Церкви, уничтожение патриархии и введение синодального управления, подчиненного светской власти, объявление, что «Государи Российские суть Главою Церкви» [15, с. 588], нужно интерпретировать как уничтожение византийского наследия. Даже перенос столицы в подражающий европейским городам Петербург в пику Москве – оплоту старорусских порядков – в данном контексте может интерпретироваться по-особому. Исходя из этого, была ли петровская Реформация таким же очередным и закономерным шагом в рамках европеизации страны, как его приоритеты в династической политике? По-видимому, да. Несмотря на сохранение в стране православия как государственной религии, модель взаимоотношений государства и Церкви была выстроена по североевропейскому (читай: германскому в широком смысле) образцу. Могло ли это в действительности вернуть Россию в европейское русло, сделать ее частью германского мира? По-видимому, нет. Слишком сильна и глубоко укоренена оказалась азиатская составляющая русской ментальности, которая обрекла петровскую Реформацию на крах, пусть и далее отсроченный, чем крушение намеченных им династических перспектив.

Примечательно, что глядя на идеи, провозглашаемые такими столпами восточной ментальности как Дао дэ цзин, нельзя не отметить их неразличимое сходство с извечными механизмами функционирования российского общества: «Если не почитать мудрецов, то в народе не будет ссор. Если не ценить редких предметов, то не будет воров среди народа. Если не показывать того, что может вызвать зависть, то не будут волноваться сердца народа. Поэтому, управляя [страной], совершенномудрый делает сердца [подданных] пустыми, а желудки – полными. [Его управление] ослабляет их волю и укрепляет кости. Оно постоянно стремится к тому, чтобы у народа не было знаний и страстей, а имеющие знание не смели бы действовать» (стих 3). Здесь намеренно цитируется классический перевод, выполненный китайцем [10], поскольку другие варианты перевода, выполнявшиеся русскими специалистами, грешат переиначиванием смыслов в пользу сглаживания, смягчения и романтизации. В связи с этим, симптоматично, что единственный предельно близкий к смыслам оригинала перевод был опубликован в России в сталинскую эпоху. Попытки же идеализирования древнекитайской и вообще восточной культуры, непонимание различий между «восточной мудростью» и европейским рационализмом представляются не всегда ошибкой, но часто умышленным идеологическим посылом. Он предназначен к использованию в тех случаях, когда отбиться от аргументов, свидетельствующих об азиатской модели развития России, не удается, а признавать все сопутствующие характеристики, трактуемые европейским сознанием как неприглядные, не хочется. В контексте рассмотрения династической политики как формы диалога между Востоком и Западом можно обратить внимание на саму эволюцию статусной иерархии, в которую может быть включена как родовая титулатура, так и профессионально-должностные статусы. Примечательно, что европейским сознанием снижение весомости титула и демократизация ранжирования профессионально-должностных статусов (разграничение научных, почетных и деловых степеней, разделение менеджмента на несколько уровней значимости и т.д.) воспринимаются относительно спокойно, как естественный элемент эволюции социума. Для российского же сознания, азиатского по сути своей и потому предельно увязанного с иерархичностью как основой бытия, заимствование подобных схем из европейской культуры приводит к неизбежной профанации статуса. Попытки российского менталитета отречься от азиатского нутра и изобразить Европу всегда заканчиваются рождением кадавров.

Если исходить из того, что Россия – это азиатское государство, в течение длительного времени находившееся под управлением западных династий, становится понятна соответствующая специфика культурного диалога: все «броски на Запад», намерения оглянуться на европейскую культуру, вернуться в европейское русло государственного развития связаны с династическими кризисами и являются попытками выхода из них. Таким образом, династический брак был не только инструментом урегулирования внешнеполитических вопросов, но и приемом самопозиционирования себя в границах европейской культуры, поскольку другими путями укорениться в России она не смогла, одних династических связей оказалось недостаточно, и наличие немецких правителей еще более ввергало страну во внутренние культурные противоречия, в то время как период династических контактов с Ордой или Византией воспринимался вполне органично, т.к. азиатская культура для России естественна. Этот выбор был осуществлен одновременно с выбором между варягами и Византией, Новгородом и Киевом. Вместе с тем, само использование династических связей в качестве единственного инструмента введения себе европейских культурных «инъекций», сочтенного самым эффективным, является типично восточным, азиатским по своей сути. Оно взаимосвязано со стратегией ассимиляции. Хотя представление о том, что родственные узы нередко надежнее дипломатии и закона, характерно и для европейских правящих домов, они, тем не менее, пользовались этим инструментом «на внутренней территории», соблюдая четкую иерархию родства, но сохраняли «чистоту крови» и не использовали ассимиляцию для сближения с инородцами и погружения в чужую культуру. Брачные союзы с Россией были для европейских правителей геополитическим, но не социально-культурным инструментом. Европа была транслятором культурных моделей в Россию, а не реципиентом. Впрочем, транслятором малоуспешным, если оценивать сущностные аспекты, а не форму. Так же и элементы «а ля рюс» оседали в Европе не в большей степени, чем любая другая восточная экзотика. Кроме того, произошло примечательное расслоение сфер

влияния. Во-первых, из Европы Россия предпочтительно заимствовала идеи духовно-интеллектуального плана, а из Азии элементы бытового уклада. Во-вторых, «столичная» Россия и ее западные провинции оказались сравнительно заметнее европеизированы (впрочем, и они существенно преобразовывали, интерпретировали европейские культурные привнесения на азиатский лад), в то время как Сибирь гораздо охотнее интегрировалась в азиатскую культурную модель, практически отторгая заимствования с Запада. В целом же, династические связи как особая форма диалога между Азией и Европой сыграли одну из ключевых ролей в формировании культурного облика и цивилизационном самопозиционировании России.

Список литературы

1. **Брикнер А. Г.** История Петра Великого: в 2-х т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 2. 288 с.
2. **Вандаль А.** Наполеон и Александр I. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. Т. IV. 606 с.
3. **Гаджиев К. С.** Введение в политическую науку: учебник для высших учебных заведений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 544 с.
4. **Григорьева А. А.** Балканская политика России и панславизм в 80-е годы XIX – начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. 1. С. 78-82.
5. **Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары.** Мн.: Харвест, 2003. 386 с.
6. **Журнал или Описание лет и побед Петра Великого, Отца отечества, Первого Императора Всероссийского**: рукопись времен Императрицы Елизаветы. Харьков: Паровая типография и литография Зильберберг, 1899. 48 с.
7. **Записки императрицы Екатерины II.** Лондон, 1859. 280 с.
8. **Коваленко Г. М.** Владислав или Карл Филипп? Русское общество и иноземный кандидат на престол // Знание – сила. 2013. № 7. С. 29-36.
9. **Костомаров Н. И.** Русская история в жизнеописаниях главнейших ее деятелей. М.: Эксмо, 2004. 1024 с.
10. **Лао цзы.** Дао дэ цзин // Ян Хин-Шун. Древнекитайский философ Лао цзы и его учение. М. – Л., 1950. С. 115-159.
11. **Напольских В. В.** «Список народов Германариха» – готский путь от Ладоги до Кубани // Уральский исторический вестник. 2012. № 2 (35). С. 20-30.
12. **Обзор русских колоний в Северной Америке капитан-лейтенанта Головина.** СПб.: Типография Морского министерства, 1862. 178 с.
13. **Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года.** СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. IV. 882 с.
14. **Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года.** СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. VI. 818 с.
15. **Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года.** СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXIV. 872 с.
16. **Пуришкевич В.** Дневник // Святой черт: сборник / сост. и предисл. А. В. Кочетова. М.: Кн. палата, 1990. С. 168-202.
17. **Рыкин П. О.** Монгольская концепция родства как фактор отношений с русскими князьями: социальные практики и культурный контекст // Mongolica-VI: сб. ст. СПб., 2003. С. 28-38.
18. **Успенский Ф. Б.** Скандинавы. Варяги. Русь: историко-филологические очерки / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения. М.: Языки славянской культуры, 2002. 456 с.
19. **Фатюнина О. А.** Николай II и Вильгельм II: история взаимоотношений // Студенческая молодежь Подмосковья и общественные науки: материалы IV областной научной конференции. Коломна, 2010. С. 86-89.
20. **Штур Л.** Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная. СПб., 1909. 176 с.
21. **Anichenko E.** The Little Russian Colony with a Big Drinking Problem: Alcohol in Russian America // Over the Near Horizon: Proceedings of the 2010 International Conference on Russian America / ed. John Dusty Kidd. Salt Lake City, 2012. P. 133-139.
22. **Grigorieva A. A.** Pan-Slavism in Central and Southeastern Europe // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2010. Vol. 3. № 1. P. 13-21.
23. **Kozhukhar A. I.** Specific Channels of Intercultural Communication in Historical Context: Criteria, Definition, Functions // Социосфера. 2013. № 4. Ч. 1. С. 168-172.

DYNASTIC POLICY OF MUSCOVY AND THE RUSSIAN EMPIRE: DIALOGUE BETWEEN ASIA AND EUROPE

Kozhukhar' Andrei Igorevich
Irkutsk State University of Communication Lines
andreikozhukhar@gmail.com

The article analyzes the mechanisms of imperial evolution, determines the degree of the influence of the informal family relationships of the ruling dynasty on its political preferences and on the way of governance in the context of the consideration of Russia as a state developing on the border between East and West and perceiving a “mixture” of the European and Asian cultural influences.

Key words and phrases: Muscovy; the Russian Empire; Europe; Asia; dynastic policy; imperial evolution; intercultural communication.